

«достопавному ее правлению», «ее неутомимому попечению» и т. д., мы не найдем ни одного открытого посвящения своих произведений Екатерине. За исключением посвящения первой части «Живописца» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“», которое было необходимо Новикову для иронически-разоблачительного «приписания», все остальные свои журналы и прочие издания Новиков посвящал либо тем лицам, которых уважал за их безупречную правственность, хотя бы это были и находившиеся в опале сановники, либо, что особенно существенно, — «любозному Отечеству».

Так в сознании передовых людей России XVIII в. произошло важнейшее идеологическое изменение: прежнее нераздельно существовавшее понятие «государь—государство» разъединилось, и вторая часть «государство—отечество» отодвинула назад первую.

Выше было сказано, что просветительская вера Новикова в решающую роль идей в общественной жизни была одновременно и его силой, и его слабостью. Что составляло сильную сторону Новикова, мы видим; это было воспитание общества в сознании того, что оно может способствовать благополучию людей, не только не рассчитывая на помощь екатерининского правительства, но и вопреки ему. Но в чем же состояла слабость позиции Новикова? В том, что он не видел и не мог видеть непосредственные результаты своей воспитательской деятельности? Но ведь В. И. Ленин, говоря о роли революционной пропаганды Герцена, отмечал, что «целые десятилетия отделяют посев от жатвы».¹³ И если это было сказано о Герцене, деятельность которого началась по крайней мере через 75 лет после выхода в свет новиковского «Трутня», то тем более справедливо это в отношении Новикова, выступившего в еще более трудное историческое время.

Слабость Новикова состояла также и не в том, что он обращался к поневоле узкому в ту эпоху слою образованных и стремившихся к образованию читателей. Она заключалась и не в том, что, сводя все бедствия людей к их безнравственности, источник последней Новиков видел в утрате почтения к религии. Дело в том, что «религия и христианство» (обычно Новиков ставил эти два понятия рядом) он считал «за самое лучшее и надежнее средство быть добродетельным и благополучным»;¹⁴ он утверждал, что «христианское учение есть учение практическое, учение истины, ведущее к блаженству». Однако в то же время Новиков говорил, что «дела важнее знания», «жизнь важнее веры».¹⁵ Но при этом Новиков полагал, что «самый лучший есть христианин» тот, «кто далее успел в смирении, кротости, в люблении бога и ближнего, в благодетельности, в терпении, в отвержении от са-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961, с. 261.

¹⁴ Новиков Н. И. Избр. соч., с. 488.

¹⁵ Там же, с. 495.